

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

А. В. Банщикова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: alex_banhs00@gmail.com

С. П. Иваненков

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы; редакция журнала «Credo new», Санкт-Петербург, Россия
e-mail: credonew@yandex.ru

***Аннотация.** На заре своего становления психология была философской дисциплиной, а перманентный методологический кризис начался совместно с обособлением психологии в самостоятельную науку. Извечными вопросами, определяющими методологический кризис психологии, являются философское фундирование и поиск предмета изучения.*

В настоящей статье идет речь об одной из попыток решения данных проблем на примере истории отечественной психологии. Путь формирования психологии на основе марксистской философии не был прост: он полон дебатов и споров, а самое главное – был не случайным, а обусловленным как социальными процессами, так и внутренней логикой развития науки.

Данный исторический пример иллюстрирует взаимосвязь философии и психологии, ведь изначально необходимо было отстоять материалистический подход к пониманию психического. На данный момент вопрос о философских основаниях психологии игнорируется, однако тогда, на короткий период, кризис был преодолен, а сформированная методология позволяла достигать прогнозируемых результатов. Методологический кризис разгорелся с новой силой вместе с разрушением существующей политической системы, а возникшие плюралистические методологические позиции были, вплоть до сегодняшнего дня, не в состоянии предложить реальный выход, кроме признания множественности психологий. Одной из возможных альтернатив дальнейшего развития психологии является формирование самостоятельной научной дисциплины – философии психологии. Психологии необходима философская концептуализация, взгляд из метапозиции на ее историю и дальнейшее развитие, формирование единой концепции предмета. Данное направление может разрешить изрядно затянувшиеся методологические споры. Мы полагаем, что формирование данного направления требует плотной научной кооперации, которая включала бы в себя работу со специалистами в области философии, психологии и методологии. Формирование единого методологического и коммуникативного пространства на базе философии психологии может помочь при решении практических видов задач, таких как, например, проблема сознания или создание искусственного интеллекта.

***Ключевые слова:** материализм, идеализм, история психологии, марксистская психология, философия психологии, методология, методологический кризис, логика развития науки.*

***Для цитирования:** Банщикова А. В., Иваненков С. П. Философско-методологические основания психологии: проблемы и пути их решения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 101–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-101.*

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF PSYCHOLOGY: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

A. V. Banshchikova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: alex_banhs00@gmail.com

S. P. Ivanenkov

Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, editor-in-chief of «Credo new» magazine, Saint-Petersburg, Russia
e-mail: credonew@yandex.ru

Abstract. At the beginning of its formation psychology used to be a philosophical discipline; permanent methodological crisis started along with psychology standing apart as a separate science. The common questions that defined methodological crisis of psychology are its philosophical foundation and subject of study.

This article contains information about one of the attempts to find a solution to listed problems on materials of the history of Russian psychology. The path of psychology formation on a basis of Marxist philosophy wasn't easy; there were many debates and arguments upon a subject. This way wasn't a coincidence, it was conditioned both social processes and inner logic of this science development.

The chosen historical example shows the connection between philosophy and psychology. This connection back there was reasoned by the fact that at first there was a need to defend the materialistic approach to the understanding of psychological. Currently, the question of the philosophical basis of psychology is being ignored, though in the Soviet era for a short period this crisis was overcome and methodology that was constructed allowed to achieve expected results. The methodological crisis arose again with the political system being demolished. Pluralistic methodological positions that existed afterwards couldn't grant the actual solution, they only acknowledged the existence of a multiplicity of psychologies. One of the alternatives to further development would be the construction of an independent discipline going by the name of a philosophy of psychology. Psychology needs philosophical conceptualization and a view from the meta on its history and future evolution. This discipline can stop arguments that went on for years. We though suppose that the construction of this discipline needs full scientific cooperation including support from those who work in the field of psychology, philosophy and methodology. Constructing unified methodological and communicative space on a basis of the philosophy of psychology can help with solutions to practical tasks such as the question of consciousness or the development of artificial intelligence.

Key words: materialism, idealism, history of psychology, Marxist psychology, philosophy of psychology, methodology, methodological crisis, the logic of science development.

Cite as: Banshchikov, A. V., Ivanenkov, S. P. (2020) [Philosophical and methodological foundations of psychology: problems and ways of solving them]. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 101–110. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-101.

Введение

Методологический кризис психологии провозгласили еще «отцы основатели» едва ли не с момента обособления психологии от философии. Обособление психологии в самостоятельную науку принято связывать с созданием лаборатории экспериментальной психологии В. Вундтом в 1879 году в университете г. Лейпцига. Первое время в мировом научном дискурсе непосредственно «научая психология» ассоциировалась именно с вундтовской школой, не без помощи коллег и многочисленных учеников самого Вундта. Статус «научной» психология получила благодаря соединению двух наук: психологии и физиологии. Несмотря на то, что подобное решение было инновационным для психологии, ведь до этого момента психологию преподавали исключительно на кафедрах философии, вскоре дали о себе знать проблемы, вызванные попыткой создания «объективной» психологии.

Вундт, в 1913 году, когда уже суверенность психологии была признана, писал о важности философии для психологической науки: «...психология относится к философским дисциплинам, и <...> таковой она останется и после превращения в самостоятельную науку, так как, в конце концов, в основе такой самостоятельной науки могут лежать только метафизические воззрения скрытые и – если отделившиеся от философии психологи не будут обладать более или менее основательным философским образованием – незрелые. Поэтому никому

это отделение не принесет больше вреда, чем психологам, а через них и психологии» [4, с. 73]. Вундт считает полезным выделение психологии в самостоятельную науку, но предостерегает от забвения философских оснований, опасаясь вырождения психологии в «ремесленничество».

В. Джеймс, наблюдая кризисное состояние молодой науки, писал: «Можно сказать, что настоящее время психология находится приблизительно в том фазисе развития, в каком были физика и учение о законах движения до Галилея или химия и мысль о постоянстве масс при превращениях веществ до Лавуазье. Когда в психологии явится свой Галилей или Лавуазье, то это, наверняка, будет величайший гений; можно надеяться, что настанет время, когда такой гений явится и в психологии, если только на основании прошлого науки можно делать догадки о ее будущем» [6, с. 316].

Действительно, психологии явственно необходимо свой гений, который смог бы обобщить и концептуализировать существующую психологию или эвристическим рывком вывести её на новый уровень. Однако далее именитый классик поясняет, какого толка должен быть этот гений: «Такой гений по необходимости будет “метафизиком”» [6, с. 316]. Следует ретроспективно обратить внимание на то, что психология уже прошла метафизический этап. Обращение к истории психологии неслучайно, ибо именно исторический анализ позволяет вскрыть логику развития науки и спрогнозировать ее дальнейшее развитие. Особый интерес представляет собой

история российской психологии, т. к. именно в ней взаимодействие различных философских школ и их связь с развитием психологической мысли прослеживается особенно явно.

Целью настоящей статьи является изучение процесса становления психологии во взаимосвязи с философскими концепциями, что позволит предложить возможные пути решения ее современных методологических проблем. Для достижения поставленной цели были использованы методы: сравнительного анализа, анализа документов, конкретный исторический подход, исторический и логический методы, системный метод.

Философский период психологии в революционной России

На этапе своего становления, когда российская психология еще не обособилась от философии и была тесно связана с теологией, ведущей философской мыслью в академической среде являлся идеализм. К философам-психологам этого исторического периода, имеющего место с конца XIX до начала XX века, относятся Л. М. Лопатин, А. И. Введенский, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин и др., придерживавшиеся различных школ философского идеализма. Философская психология была практически полностью оторвана от реальной практической деятельности, основной задачей являлось «устранение законов абстрагированного от всего материального “душевного мира”» [11, с. 75]. Примечательно, что несмотря на академическую монополию идеализма, чувствуя не только методологический тупик философской психологии, но и нарастающие социально-политические противоречия, развивается материалистическое направление. Одним из ключевых деятелей в процессе становления психологической науки, который предлагал развивать ее с позиции материализма, был И. М. Сеченов. Несмотря на то, что реальный исторический вклад Сеченова в развитие психологической мысли был не меньше, чем вклад других классиков – Вундта и Ф. Brentano, – имя Сеченова долгое время ассоциировалось исключительно с физиологией, но никак не с психологией. Из-за монополии идеализма в академической науке Сеченов при помощи административного ресурса был лишен возможности развивать свою психологическую школу, в связи с чем, несмотря на свои передовые воззрения, уступил первенство в оформлении психологии в самостоятельную науку Вундту. Между тем, в царской России, невзирая на недоброжелательное отношение со стороны министерства народного просвещения и университетского начальства, в 1886 г. создается вторая по времени возникновения в Европе экспериментально-психологическая лаборатория под руководством В. М. Бехтерева [1], а позже, в 1908 г., на основе пожертвований был

основан Психоневрологический институт [16]. Бехтерев отмечал влияние Сеченова на формирование своих взглядов. Уже в первом выпуске «Объективной психологии» Бехтерев ссылается на Сеченова как на создателя рефлекторной теории.

Примерами идеалистической направленности психологии являются попытки критически осмыслить материалистический подход и, с позиции идеализма, ниспровергнуть его. Труды служителей православной церкви представляли собой раздел метафизической психологии. Они распространяли свои теоретические изыскания, критикуя материалистический подход, в различных клерикальных журналах, в особенности в журнале «Вера и разум» (основан в 1884 г., закрыт в 1917 г., с 2000 г. издание вновь возобновлено). Очень показательна проповедь епископа Анастасия на открытии в 1914 г. Психологического института им. Л. Г. Щукиной: «Стремясь расширить круг психологических знаний, нельзя забывать о естественных границах познания души вообще и при помощи экспериментального метода в частности. Точному определению и измерению может поддаваться лишь, так сказать, внешняя сторона души, та ее часть, которая обращена к материальному миру, с которым душа общается через тело. Но можно ли исследовать путем эксперимента внутреннюю сущность души, можно ли измерить ее высшие проявления?.. Кто дерзнет экспериментально исследовать религиозную жизнь духа? Не к положительным, но к самым превратным результатам привели бы подобные попытки» [13]. Приведенные случаи нам демонстрируют, во-первых, онтологическую позицию по отношению к человеческой душе, а именно ее принципиальную непознаваемость. То, что доступно для познания, находится во внешнем предметном мире, и это по методологическому подходу роднит философско-психологов с поведенческими психологами, которые сформируются несколько позже, как попытка создать истинно научную, объективную психологию, иными словами – психологию без психики. Во-вторых, эти случаи показывают осознание того факта, что материализм становится все более актуален, о чем свидетельствует приобретающий популярность экспериментальный метод и попытка епископа предостеречь от его использования.

Однако исторический процесс проповедью не остановить. Судьба психологии решалась в научных дискуссиях, являвшимися катализатором работы мысли. В качестве примера можно привести дискуссию «О свободе воли», состоявшуюся 5 мая 1887 года на заседании Московского психологического общества. Материалистическую позицию со стороны невропатологии и психологии отстаивали С. С. Корсаков и А. А. Токарский, а их оппонентом со стороны идеализма был Н. Я. Грот,

присерживавшийся откровенно теистических и мистических позиций. Он выделял два типа воли: божественную и индивидуальную. Единомышленниками Грота являлись В. С. Соловьев, Л. М. Лопатин и Н. В. Бугаев [16]. Хорошим примером также служит дискуссия в Петроградском философском обществе, состоявшаяся в ноябре 1916 года, предметом которой выступил доклад И. П. Павлова на тему «Физиология и психология при изучении высшей нервной деятельности», где оппонентами Павлова являлись Лосский, Введенский, А. А. Крогиус и другие. По итогам дискуссии, психолог-метафизик Лосский, ознакомившись с опытами по выработке условных рефлексов, признал, что он находится «в состоянии растерянности» [11]. Введенский безуспешно пытался связать рефлекторную теорию с идеалистическим пониманием психического и вывести Павлова на путь кантианства, постулируя принципиальную недоказуемость психических фактов, что якобы следует из павловских экспериментов [11, 16]. Введенский уверял, что «его собственная точка зрения ничем не отличается от того, что говорит Павлов, хотя он, Введенский, утверждает, что чужая душа непознаваема» [16, с. 57]. Однако тезис Введенского о непознаваемости души встретил жесткую критику и был подвергнут критическому анализу со стороны В. М. Бехтерева, А. А. Ухтомского и И. П. Павлова, так как эти ученые являлись воинствующими противниками философского идеализма и субъективной психологии. В. М. Розин, отмечая особый накал страстей, пишет: «В конце 20-х годов в психологии начинаются идеологические дискуссии, ориентированные на осуждение буржуазных школ в психологии как идеалистических, и борьбу как с этими школами, так и с их сторонниками в России» [15, с. 48].

Важно понимать, что активная дискуссия по философским основаниям науки проходила не только в психологии, но и в других дисциплинах. Авторитетный исследователь отечественной психологии, А. В. Петровский, в своих работах демонстрирует прекрасный пример сплочения российских ученых на почве материализма: «В этой связи следует отметить, что не только физиологи Сеченов, Павлов, Н. Е. Введенский, И. Р. Тарханов, но и другие русские естествоиспытатели, казалось бы, далекие от собственно психологической проблематики (К. А. Тимирязев, Д. И. Менделеев, И. И. Мечников, А. Г. Столетов), своими выступлениями в защиту материалистических основ естествознания и против физического идеализма, витализма и различных, иногда тщательно замаскированных форм теологии, укрепляли естественнонаучный фундамент психологии. Достаточно вспомнить, например, разоблачение спиритизма в исследованиях

Менделеева, борьбу Тимирязева с проникновением метафизики в науку» [11, с. 19]. Недаром в одних из первых трудах по истории российской психологии, признанный классик, Б. Г. Ананьев, так характеризует успехи материалистической психологии в идеологической борьбе: «Самим возникновением и своими национальными особенностями своего развития русская научная психология обязана русскому философскому материализму. Но и успехи научной психологии в свою очередь имели огромное значение для укрепления материалистической теории познания и материалистического понимания человеческого сознания» [1, с. 7].

Подобная активность в отстаивании материалистических основ функционирования науки приводит к некоторым выводам:

1. Ученые были лично заинтересованы в этой работе, ведь подобная полемика и тщательный критический анализ работ оппонентов – задача нетривиальная, требующая интеллектуальных ресурсов и особой мотивации. Неустанная работа именитых ученых по популяризации материализма в научном дискурсе того времени свидетельствует о том, что материализм был не «сверху» спущен в университеты, а выращен «снизу».

2. Существовала определенная социальная задача, которая была принципиально неразрешима с помощью идеалистической психологии, что естественным образом вынуждало «логику науки» двигаться в сторону материализма и экспериментальных методов.

В поддержку последнего тезиса можно дополнительно привести слова отечественного психолога, Л. С. Выготского, чьи методологические изыскания сильнейшим образом повлияли на развитие российской психологии: «Первое требование, которое сама жизнь страны, разрушенной и разоренной войной, поставила перед психологической наукой, было требование перейти к анализу практических прикладных проблем. Сразу после революции в России начинает развиваться новая область психологии — психология труда, психотехника» [5, с. 11]. Петровский, анализируя положение, цели и задачи психологической науки постреволюционного периода, пишет: «Выполняя “социальный заказ” эпохи, советские психологи разрабатывают вопросы, имеющие общественное значение для молодой республики. Социальная значимость разрабатываемых научно-теоретических и научно-практических проблем отныне становится основным нервом всякой научной работы, в том числе работ в области психологии» [11, с. 75].

Таким образом, с идеологической победой материализма в научном дискурсе психологическая наука впервые получает доступ к реальной и широкой практике, что делает ее передовой наукой своего времени.

Эмпирический период психологии: переход к материалистической парадигме

Однако со снятием лидирующей позиции идеалистической и метафизической философской психологии методологический кризис российской психологии разрешен не был. По всей видимости, страшая возможного возрождения реакционной позиции, ряд психологов провозглашают абсолютную независимость от философии вообще. Например, представитель эмпирической психологии, А. П. Нечаев, стремился отмежеваться от «метафизики», под которой он понимал всякое теоретическое осмысление психологических фактов. Свои психологические построения Нечаев строил на «сухом» эмпиризме, отказе выходить за пределы «точных фактов». Схожей позиции придерживался директор Психологического института им. Л. Г. Шукиной, Г. И. Челпанов, считавший, что «чистая» психология, эмпирическая психология, должна быть свободной от всякой философии. Подобные эксцессы лишь давали основания для возможной критики со стороны идеализма. Стремясь доказать ничтожность эмпирической психологии, А. И. Введенский пишет: «Большая публика обыкновенно <...> почтительно хлопает глазами перед всяким, кто продельвает какие-либо психологические эксперименты, особенно же перед теми, кто умеет щелкать психологическими приборами. Поэтому развелось немало людей, которые слынут психологами, ибо только и делают, что возятся с разнообразными экспериментами, между тем как они в самой-то психологии смыслят ровно столько же, как и всякий встречный-поперечный» [2, с. 42]. Высказывания Введенского, несмотря на то, что он вступает идеологическим противником, а может быть как раз таки именно из-за этого, вскрывают «ремесленническую» сущность эмпирической психологии. Действительно, за узкой предметной деятельностью есть вероятность потерять объем психологической науки, стать своего рода ремесленником, но не ученым. К сожалению, данная тенденция является актуальной и поныне.

Резкой и регулярной критики со стороны идеалистической метафизической психологии подвергалась рефлексология – учение знаменитого В. М. Бехтерева. Однако критика с реакционных позиций была малоэффективной, т.к. «объективная психология» явилась по отношению к ней более прогрессивной психологической системой [11]. Несмотря на то, что идея создания «объективной психологии» для того времени являлось инновационной на фоне гегемонии идеализма, нельзя не отметить непоследовательность в методологической концепции Бехтерева [16], призывавшей изучать преимущественно внешние проявления психики, не уделяя внимания внутренней детерминации психических явлений. Здравую и продуктивную кри-

тику рефлексология получила только в конце 20-х и начале 30-х годов, когда с позиции диалектического материализма были подвергнуты критике механицизм в философии и психологии, вскрыта методологическая несостоятельность «поведенчества» как такового, что проявляется, в том числе, и в бехтеревской рефлексологии [11]. Бехтерев, несмотря на успехи в физиологии и огромные заслуги перед отстаиванием материализма, «не мог преодолеть отношения к психологическим процессам как к эпифеноменам актов поведения и, протестуя против психологических понятий, неправомерно игнорировал те реальные психологические явления, которые находили отражение в этих понятиях» [11, с. 51]. Подобный методологический подход к познанию психологических феноменов не позволял вскрыть их сущность, т.к. не признавал наличия самих феноменов.

Таким образом, становление подлинно научной психологии осложнялось необходимостью борьбы на два фронта: против идеализма и вульгарного материализма.

Марксистский период психологии: объединение психологий под знаменем марксизма

Важнейшие методологические вопросы решены не были, в частности, не был адекватно сформулирован предмет психологической науки, из-за чего возникали разнообразные психологические школы. Когда в Психологический институт «пришла из Соединенных Штатов книга, на обложке которой стояло: “Психологии 1925 года”, то множественное число применительно к названию этой дисциплины никого не удивило. Психологий в ту пору стало много, и их число продолжало расти» [17, с. 183]. Каждая самостоятельная психологическая школа стремилась утвердить себя в качестве всеобщей, что свидетельствует о том, «что в деятельности отдельных ученых и научных групп отражается исторически назревшая потребность в общей психологии, в общей науке. Поэтому претензии различных школ на универсализм нельзя объяснить личными ошибками, злой волей, незнанием их создателей» [17, с. 187], того требовали историческая ситуация и логика развития науки. Как справедливо замечает Петровский: «Материализм в психологии остался бы метафизическим, а детерминизм свелся бы к механическому учету влияний наследственности и среды и вульгарно-социологическому анализу, если бы советская психология не обогатила свой методологический фонд, поставив вопрос о роли диалектического метода в психологии» [11, с. 94]. Именно методологическая проблема использования диалектического метода в психологии становится центральной. Успешному разрешению препятствовало то обстоятельство, что «большинство советских психологов тех лет не были образован-

ными марксистами – они одновременно учились азбуке марксизма и пытались приложить ее к психологической науке» [5, с. 12]. Целенаправленное построение психологии на основе марксизма началось с назначения К. Н. Корнилова директором Психологического института им. Л. Г. Шукиной и его выступлением с докладом «Психология и марксизм» на I Всероссийском съезде по психоневрологии, в 1923 году. О том, что марксизм был принят в качестве методологического фундамента психологии органически, а не директивно, свидетельствует резолюция пленума Московского психологического общества от 10 октября 1936 г., в которой говорится «...Необходимо покончить с попытками построения советской психологии путем декларации и ссылки на принципы марксизма-ленинизма. Общество считает необходимым вплотную приступить к реализации принципов марксистско-ленинской теории в психологии путем конкретной разработки актуальных теоретических проблем науки и проведения, выдержанных в духе марксизма-ленинизма конкретных психологических исследований...» [12, с. 294]. Если до этого необходимость марксистской философии лишь декларировалась, то теперь начали предприниматься конкретные шаги по приложению марксизма к психологии. Именно в 30-е годы методологическая проблема о применении диалектического метода была осмыслена и решена общими усилиями психологического и философского сообществ.

Продемонстрированная смена парадигмы, вызванная объективными причинами и общей логикой научного развития, свидетельствует о том, что психология в своем фундаменте неотделима от философии, что прекрасно понимали классики советской психологии: Н. Н. Ланге, Л. С. Выготский, В. Н. Ивановский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, Б. Г. Ананьев и др., выстраивавшие методологию психологии на принципах марксизма. Марксизм в качестве философского основания был выбран не случайно, т. к. материалистический подход позволял уйти от идеалистических построений старой психологии, а диалектический метод предостерегал от «скатывания» в вульгарный материализм. Ананьев дает ёмкую характеристику марксистской философии применительно к психологии: «Учение Маркса создаёт для психологии подлинно научное философское основание и впервые делает возможным становление психологии как системы научных знаний» [1, с. 21]. Выстроив методологию психологии на фундаменте марксизма, отечественная психология обрела единство, и кризис был преодолён. Правда, вопреки надеждам и чаяниям советских психологов, методологический кризис был преодолён лишь на время. Примечательно, что даже те, кто крайне негативно относится к советской науке и советскому пе-

риоду в целом, не отрицают и не могут отрицать достижения отечественных ученых, в том числе и психологов.

Современный период психологии в постсоветской России: возрождение методологического кризиса

В годы перестройки, а затем и в 90-е, было популярно мнение, что методология вообще не нужна, что ее необходимо свести к чисто технической дисциплине, или что методологические проблемы должны решаться ученым в процессе конкретных исследований, т. е. «решать проблемы по мере поступления». И. П. Волков справедливо замечает, что «отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию ох как трудно: разрушать всегда легче, чем строить» [3, с. 81]. Однако освободившееся пространство в психологии необходимо было восполнить и с начала нового тысячелетия наблюдается повышение интереса к вопросам методологии психологии: с 2003 года проводятся конференции по методологии, публикуются методологические сборники, публикуются статьи на методологические темы, с 2006 года начинает выходить журнал «Методология и история психологии». Переход высшей школы на новые стандарты способствовал созданию учебников и учебных пособий по методологии психологии разных авторов. В настоящее время единой общепризнанной концепции методологии психологии хотя бы в рамках отдельно взятой страны не существует.

Вновь возникшая методологическая раздробленность способствовала формированию методологического плюрализма, и, повторяя сюжет известной басни И. А. Крылова, «тянула» психологию в разные стороны, мешая тем самым сделать качественный скачок в развитии, однако наша позиция на этот счет не является единственной. И. А. Мироненко считает, что «современный период стал и временем распада прежде единой отечественной школы» [10, с. 203], а динамический плюрализм в диалектическом взаимодействии способствует интеграции российской психологии в контекст мировой психологической науки. Позиции методологического либерализма придерживается В. А. Мазилев. Констатируя необходимость формирования единой концепции методологии психологии, Мазилев делает акцент на коммуникативной составляющей, т. е. речь идет об интеграции психологического знания или, следуя метафоре автора, «прокладывание мостов» между разными подходами, школами и парадигмами [7, 9], сохраняя при этом их самобытность. Отмечая плачевное положение дел в рамках научной коммуникации, когда не только разные науки, изучающие один предмет, говорят на разных языках, но и ученые в рамках одной науки не могут найти

точки соприкосновения, В. М. Розин пишет о необходимости создания общего подхода к обсуждению и решению проблем: «подобное положение дел отражает современную постмодернистскую ситуацию в культуре: отказ от построения единой системы культурных норм в пользу множества частных нормативных систем, вместо стремления к согласию и порядку – акцентирование различий, разногласия, противоречия, не общезначимость, а условность или метафоричность, приоритет не науки, а других дискурсов, прежде всего, искусства» [14, с. 8].

Актуальность философии и методологии психологии обуславливается проблемами разработки искусственного интеллекта. В то время как научное сообщество, в том числе и психологи, бьется над созданием искусственного интеллекта, закономерно возникает масса вопросов междисциплинарного взаимодействия ученых и наук. Не будем говорить за другие науки, но психология в нынешнем виде оказывается в числе аутсайдеров этого научного синтеза и соответственно вкладает, ибо она, на наш взгляд, до сих пор не разобралась в своих философско-методологических основаниях. Более того, последние 20 лет практически не предпринимает попытки (за исключением редких примеров) рефлексировать и осмысливать свои основания, тем самым развивая теоретическую психологию, сводя все к набору эмпирических методик, коих может быть бесчисленное множество. Полученные данные никем не обобщаются, в лучшем случае лишь классифицируются по различным основаниям. Несмотря на огромное количество психологических школ и подходов, многие из них сугубо эмпирические, а потому носят частный и конкретный характер, что не может привести к успеху в разработке и решении проблемы искусственного интеллекта.

Одной из важнейших проблем организации психологической науки, не позволяющих сделать качественный шаг в развитии, является определение предмета психологии. «Недостаточная разработанность этой проблемы препятствует успешному продвижению в решении целого ряда принципиальных теоретических вопросов психологической науки» [7, с. 202] – справедливо замечает Мазилев, обращая внимание на то, что «многие психологи полагают, что проблема предмета важна лишь в дидактическом аспекте: непосредственно с ней сталкиваются лишь авторы учебников и профессора, читающие курс общей психологии. Причем последующие главы с главой о предмете связаны достаточно слабо: возникает устойчивое впечатление, что речь в конкретных параграфах, посвященных психическим процессам или свойствам, идет не о психике, а чем-то существенно ином» [7, с. 203]. Мироненко на примере практической деятельности научного сообщества демонстрирует, что предмет психологической науки объективно существует,

но пока не может быть адекватно сформулирован: «становление профессии психолога во второй половине XX века как профессиональной деятельности в единой предметной области психологии; работа международных научных и научно-практических союзов и объединений психологов, принадлежащих к разным школам, <...> сфера деятельности которых включает в себя и издание широкого круга научных журналов, и проведение представительных научных форумов; логика развития профессионального психологического образования, где стандарты становятся все более общими в разных университетах и странах. Практика убедительно свидетельствует о наличии единого общего предмета исследования, изучения, регуляции для специалистов-психологов, принадлежащих к самым разным школам и направлениям. Но проблема в том, что не удается найти приемлемое для всех его определение» [10, с. 203–204]. Данный вопрос до сих пор остается нерешенным.

Философия психологии – зона ближайшего развития психологии

На наш взгляд, опыт становления советской психологии убедительно показал, что без четко сформулированного и осознанного философского фундамента говорить о предмете или методах психологии некорректно и неэффективно. Именно философское основание определяет онтологическую позицию ученого относительно того, что и какими методами следует изучать. Как в послереволюционный период психологи пытались обособиться от философии, так постсоветская методология психологии пытается обособиться от философии науки: «в настоящее время мы являемся свидетелями того, что философия науки оказывает косвенное негативное влияние на положение в психологической науке» [7, с. 390].

Мы полагаем, что в условиях методологической раздробленности, наиболее перспективной отраслью развития является «философия психологии». Данное положение было сформулировано с опорой на историю науки. Известно, что важнейшими событиями в истории различных наук была их философская концептуализация и последующая публикация («*Philosophia botanica*» К. Линнея, «*Philosophie zoologique*» Ж. Б. Ламарка, «Философии анатомии» Ж. Сент-Илера и др.). В психологии, как известно, ничего подобного пока не происходило. Ближе всего к выполнению данной задачи, на наш взгляд, подошли советские психологи М. Г. Ярошевский и А. В. Петровский. Они и представили «теоретическую психологию» как самостоятельную область психологии, предметом которой является саморефлексия психологической науки. Авторы манифестируют актуальность философского осмысления психологии и выработки единой методологии, при-

знаясь, что потребность в саморефлексии науки возникает в периоды кризиса.

В современном научном пространстве проблемой философии психологии занимается Мазиллов: «Философия психологии вырабатывает понимание предмета, конструирует предметное пространство психологии, обеспечивает единство психологии и интеграцию различных потоков психологического знания» [8, с. 14]. Мазиллов, однако, считает, что философия психологии должна быть сконструирована силами психологического сообщества и должна являться частью методологии психологии, но никак не философии науки: «Если психология хочет найти выход из кризиса, то она должна предпринимать для этого определенные шаги, должна проделать определенную методологическую работу по осмыслению своего предмета. Причем, что особенно важно подчеркнуть, должна выполнить сама, самостоятельно. Никакая философия этой работы не проделает, поскольку не имеет для этого адекватных средств» [9, с. 88]. Мы же полагаем, что философия психологии сможет реализовать заявленные В. А. Мазилловым задачи только с выходом в метапозицию относительно психологической науки, что философский и методологический взгляд со стороны позволит концептуализировать психологическую науку.

Заключение

Как было показано на примере истории отечественной психологии, психологическая наука уже прошла метафизический этап своего развития, когда являлась сугубо философской дисциплиной. Более того, вопреки расхожему мнению, будто формирование марксистской психологии происходило директивно и сугубо насильственно, анализ исторической и методологической ситуации в психологии тех лет показывает нам принципиально иную картину. Уже находившись на позициях идеализма и метафизики, наблюдая научную стагнацию и кризис, у отечественных психологов был только один выход, куда можно было двигать психологию – в сторону материализма и диалектики. Только марксизм в тот период обладал объяснительным потен-

циалом, включающий в себя метод диалектического материализма. Следовательно, формирование психологии на почве марксизма – закономерный этап в логике развития науки.

Данный исторический пример ярко демонстрирует влияние философского основания на психологическую науку, что, к сожалению, игнорируется многими современными психологами, следующими пути голого эмпиризма.

Опираясь на историю науки и законы ее развития, можно заключить, что без философского фундамента в психологию и без углубленной разработки философских и концептуально методологических оснований психологии, ее плодотворное развитие в системе наук невозможно. В современных условиях необходимо переосмыслить достижения психологии в советский период, углубить диалектическое понимание процессов ее становления и развития. Так же критически переработать достижения эмпирической психологии в странах Запада в последние 20 лет, имевших в качестве основания бихевиоризм, позитивизм, утилитаризм, фрейдизм и т.д. Это позволит обобщить большой массив эмпирических данных и подготовит почву к новому историческому шагу в развитии философии и методологии психологии и психологии как науки. Прделанная работа позволит систематизировать и классифицировать современные направления и парадигмы, имеющие место в психологической науке. Попытка охватить в едином концептуально-смысловом пространстве всю предметную область психологии позволит обнаружить лакуны, которые можно обнаружить только в процессе развития науки. Решение этой проблемы требует, на наш взгляд, научной кооперации и совместных усилий со стороны философов, психологов и методологов. Необходимо создание общего мультинаучного коммуникативного пространства, формирование целевых научных групп для проведения комплексных исследований подобного типа, дабы совместными усилиями создать и развивать основания для фундаментальных исследований, опирающихся уже не только на эмпирические методики, но и на теоретические методы.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков / АН СССР, Ин-т философии. – М.: Госполитиздат, 1947. – 168 с.
2. Введенский А. И. Психология без всякой метафизики. – Изд. 3-е, вновь испр. и доп. – Петроград: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. – VIII, 359 с.
3. Волков И. П. Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии: сб. ст. (Ярославль, 18–19 апреля, 2003 г.). – С. 80–86.
4. Вундт В. Психология в борьбе за существование // *Reflexio*. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 57–82.
5. Выготский Л. С. Вопросы теории и истории психологии. Собрание сочинений в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.
6. Джеймс У. Психология / Уильям Джеймс; пер. с англ. И. Лапшина. – М.: Академ. Проект: Гаудеамус, 2011. – 318 с.

7. Мазиллов В. А. Методология психологической науки: История и современность: монография. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2017. – 419 с.
8. Мазиллов В. А. Методология современной психологии: актуальные проблемы // Сибирский психологический журнал. – 2013. – № 50. – С. 8–16.
9. Мазиллов В. А. Стены и мосты: методология психологической науки: монография. – Ижевск: ERGO, 2015. – 196 с.
10. Мироненко И. А. Российская психология в пространстве мировой науки. — СПб.: Нестор-История, 2015. – 304 с.
11. Петровский А. В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные труды. – М.: Педагогика, 1984. – 272 с.
12. Петровский А. В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки. – М.: Просвещение. – 1967. – 367 с.
13. Речи и приветствия на торжественном открытии Психологического института им. Щукиной при императорском Московском университете. – М.: Печ. А. И. Снегиревой, 1914. – С. 1–2.
14. Розин В. М. Методология, мышление, коммуникация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10, № 1. – С. 3–21.
15. Розин В. М. Психология в фокусе методологии и философии науки. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – 432 с.
16. Степанова Е. И. Становление психологической школы Б. Г. Ананьева: Памятные даты и события. – СПб.: Симпозиум, 2003. – 215 с.
17. Ярошевский М. Г., Выготский Л. С.: В поисках новой психологии / Предисл. Е. Е. Соколовой. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. – 304 с.

References

1. Ananyev, B. G. (1947) *Ocherki istorii russkoy psikhologii XVIII i XIX vekov* [Essays on the history of Russian psychology of the XVIII and XIX centuries]. An USSR, In-t of Philosophy. Moscow: Gospolitizdat, 168 p.
2. Vvedensky, A. I. (2013) *Psikhologiya bez vsyakoy metafiziki* [Psychology without any metaphysics]. Moscow: Book on Demand, 391 p.
3. Volkov, I. P. (2003) [What methodology is needed by Russian psychology, to whom and why?]. *Trudy Yaroslavskogo metodologicheskogo seminar: Metodologiya psikhologii: sb. st. (Yaroslavl', 18–19 aprelya, 2003 g)* [Proceedings of the Yaroslavl Methodological Seminar: Methodology of Psychology: Sat. Art. (Yaroslavl, April 18–19, 2003)]. pp. 80–86. (In Russ.).
4. Wundt, V. (2017) [Psychology in the struggle for existence]. *Reflexio* [Reflexio]. Novosibirsk: Novosibirsk National Research State University. Vol. 10, No. 2, pp. 57–82. (In Russ.).
5. Vygotsky, L. S. (1982) *Voprosy teorii i istorii psikhologii* [Questions of theory and history of psychology]. Collected works in 6 volumes. Mosciov: Pedagogy. Vol. 1, 488 p.
6. James, W. (2011) *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Academ. Project: Gaudeamus, 318 p.
7. Mazilov, V. A. (2017) *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: Istoriya i sovremennost': monografiya* [Methodology of psychological science: History and modernity: monograph]. Yaroslavl: RIO YAGPU, 419 p.
8. Mazilov, V. A. (2013) [Methodology of modern psychology: topical problems]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal* [Siberian psychological journal]. Vol. 50, pp. 8–16. (In Russ.).
9. Mazilov, V. A. (2015) *Steny i mosty: metodologiya psikhologicheskoy nauki: monografiya* [Walls and bridges: methodology of psychological science: monograph]. Izhevsk: ERGO, 196 p.
10. Mironenko, I. A. (2015) *Rossiyskaya psikhologiya v prostranstve mirovoy nauki* [Russian psychology in the space of world science]. SPb.: Nestor-History, 304 p.
11. Petrovsky, A. V. (1984) *Voprosy istorii i teorii psikhologii: Izbrannyye trudy* [Questions of history and theory of psychology: Selected works]. Moscow: Pedagogy, 272 p.
12. Petrovsky, A. V. (1967) *Istoriya sovetskoy psikhologii. Formirovaniye osnov psikhologicheskoy nauki* [History of Soviet psychology. Formation of the foundations of psychological science]. Moscow: Education, 367 p.
13. Speeches and greetings at the grand opening of the Psychological Institute. Shchukina at the Imperial Moscow University. (1914) Moscow: Published by A. I. Snegirevoy, pp. 1–2.
14. Rozin, V. M. (2013) [Methodology, thinking, communication]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 10, No. 1, pp. 3–21. (In Russ.).
15. Rozin, V. M. (2018) *Psikhologiya v fokuse metodologii i filosofii nauki* [Psychology in the focus of methodology and philosophy of science]. Moscow: LENDAND, 432 p.
16. Stepanova, E. I. (2003) *Stanovleniye psikhologicheskoy shkoly B. G. Anan'yeva: Pamyatnyye daty*

i sobytiya [Formation of the psychological school of B. G. Ananyev: Memorable dates and events]. SPb.: Symposium, 215 p.

17. Yaroshevsky, M. G. (2020) *L. S. Vygotskiy: V poiskakh novoy psikhologii* [L. S. Vygotsky: In search of a new psychology]. Moscow: Book House «LIBROKOM», 304 p.

Информация об авторах:

Александр Витальевич Банщиков, магистрант, направление подготовки 37.04.01 Психология, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID ID: 0000-0003-3719-9693

e-mail: alex_banhs00@gmail.com

Сергей Петрович Иваненков, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и технологии социальной работы, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы; главный редактор журнала «Credo new», Санкт-Петербург, Россия

e-mail: credonew@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 25.05.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Alexander Vitalievich Bانشchikov, postgraduate student, training program 37.04.01 Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

ORCID ID: 0000-0003-3719-9693

e-mail: alex_banhs00@gmail.com

Sergey Petrovich Ivanenkov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theory and Technology of Social Work, Saint-Petersburg State Institute of Psychology and Social Work; editor-in-chief of «Credo new» magazine, Saint-Petersburg, Russia

e-mail: credonew@yandex.ru

The paper was submitted: 25.05.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The authors have read and approved the final manuscript.